
Ю. ЯНЧАРКОВА

К ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ Н. Л. ОКУНЕВА С Н. Я. МАРРОМ

Имя историка искусства Н. Л. Окунева до сих пор еще продолжает оставаться не возвращенным на родину и не включенным в контекст интенсивно создающейся в последние годы истории русской византистики.¹ Его эмигрантский путь был сложен и трагичен, имя известно многим, но труды в силу труднодоступности — лишь небольшому кругу специалистов. Архив Окунева отсутствует, что осложняет восстановление его биографии и истории научной деятельности, особенно эмигрантского периода. Письма ученого коллегам сохранились только в Петербурге (местонахождение иных пока не удалось установить) и относятся к российскому периоду его жизни.

Предлагаемые вниманию пять эпистолярных документов адресованы Окуневым одному из его учителей — востоковеду и лингвисту, академику Николаю Яковлевичу Марру.² Материал этих и других писем частично был использован Г. Вздорновым в его статье «Материалы для биографии Н. Л. Окунева», где представлены и охарактеризованы некоторые этапы учебы Окунева, а также его труды в России. Целью нашей публикации является выявление научных проектов Марра в Армении, в которых принимал участие Н. Л. Окунев, уточнение круга выбранных им тем и результаты проведенной под руководством Марра работы, значение рабочего контакта с Марром для творческого роста молодого специалиста, а также маршрут и содержание экспедиции по охране памят-

¹ О нем см.: *Вздорнов Г. И.* Материалы для биографии Н. Л. Окунева // Сборник за ликовне уметности. Нови сад, 1976. Т. 12. С. 309—318 (далее — *Вздорнов*); *Джорджевич И. М.* Значение Н. Л. Окунева для истории сербской живописи // Руска емиграција у српској култури XX века. Зборник радова. Београд, 1994. С. 213—219; *Myslivec J. Nikolaj Lvovic Okunev. 5.V.1886—22.III.1949* // *Byzantinoslavica*. Prague, 1949. Т. 10/2. С. 205—218; *Радојичић С.* Николај Лвович Окунев (5.V.1886—22.III.1949) // Старинар. Београд, 1951. Т. 2. С. 354—356.

² К основной литературе о Н. Я. Марре относится, например: *Миханкова В. А.* Николай Яковлевич Марр. М.; Л., 1948 (далее — *Миханкова*); *Голубева О. Д.* Н. Я. Марр. СПб., 2002.

ников древности и культуры на Кавказский фронт, совершенной летом 1917 г. под руководством Н. Л. Окунева.

В строках, посвященных науке, закодирована и информация о характере автора страничек, исписанных мелким аккуратным почерком. Этот маленький банк данных неопеним, поскольку позволяет нам понять те личностные качества, устремления, чувства, которые побуждали Окунева принимать часто рискованные решения и строить свою научную жизнь.

Обратимся к главным вехам биографии ученого в период до 1925 г., которым датировано последнее письменное обращение к Марру. Николай Львович Окунев родился 22 апреля 1885 г. в Варшаве.³ После окончания Седлецкой гимназии в 1905 г. он подал документы на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, где учился у профессоров Д. В. Айналова, С. Ф. Платонова, И. М. Гревса, Н. В. Ястребова и др. В 1911 г. Окунев получил выпускное свидетельство и был оставлен в университете, на кафедре теории и истории искусств для приготовления к профессорскому званию. Темой его диссертации являлось исследование лицевой рукописи Иоанна Кантакузина, хранившейся в Парижской национальной библиотеке (№ 1242).

Активную научную деятельность Окунев начал еще на третьем курсе в 1909 г., когда в составе группы учеников проф. Айналова на средства университета был командирован в Новгород, Псков и Старую Ладугу для изучения средневековых памятников. Вторую поездку в Новгород финансировало Императорское Русское археологическое общество, она состоялась летом 1910 г. Результатом явились сообщения в ИРАО и статья, посвященная архитектуре и ансамблю стенописи церкви Федора Стратилата.⁴

Начало рабочих взаимоотношений Окунева с деканом факультета восточных языков (с 1911 г.) академиком Н. Я. Марром относится к 1911 г. Окуневу представилась, опять же в рамках университета, возможность поехать на раскопки в столицу средневековой Армении — Ани, начатые Марром еще в 1892 г., позднее прерванные, вновь возобновленные в 1904 г., дававшие грандиозные результаты и превратившиеся в одно из самых крупных мероприятий российской гуманитарной науки того времени. Окунев с радостью принял приглашение.

Молодой ученый сосредоточился в первую очередь на архитектуре, он был включен Марром в работу над темами, посвященными церковным и гражданским постройкам города Ани. Итогом трудов под руководством Марра стали доклад в ИРАО, предварявший запланированную

³ В эмиграции в выданном Н. Л. Окуневу нансеновском паспорте год рождения ученого (1885) был по ошибке заменен на 1886. Данные о периоде учебы Окунева в гимназии и университете приводятся по материалам студенческого дела. См.: ЦГИА СПб., ф. 14, оп. 3, д. 43536.

⁴ *Окунев Н. Л.* Вновь открытая роспись церкви св. Федора Стратилата в Новгороде // Изв. имп. Археологической комиссии. СПб., 1911. Т. 39. Вздорнов говорит о рано сложившейся специфической манере Окунева излагать материал сжато, ясно, логично и доступно, что отчетливо видно уже на примере названной работы. См.: *Вздорнов*. С. 312.

публикацию работы о круглых и многогранных храмах Ани, и статья «Город Ани»,⁵ напечатанная Окуневым сразу же по возвращении, в 1912 г., и представляющая еще более широкую историческую панораму средневекового строительства в Армении. Работа захватила аспиранта. Академика Н. Я. Марра, вероятно, старания Окунева удовлетворили, он рекомендовал ученика в действительные члены ИРАО и даже хотел устроить Окунева к себе на факультет лектором по истории армянского зодчества.⁶ Так установился долговременный тесный рабочий контакт, к Марру Окунев многократно обращался за помощью и за советом, организация Н. Я. Марром археологических и архитектурных исследований в Ани становится для Окунева, сумевшего оценить сложность подобного мероприятия, своего рода образцом.

Дальнейшие события, происшедшие в жизни Н. Л. Окунева, несколько отодвинули его планы по изучению армянского искусства и архитектуры. 12 июня 1913 г. он по собственному ходатайству был назначен на должность научного секретаря Русского археологического института в Константинополе (1894—1914)⁷ и отбыл туда с женой⁸ и только что родившейся дочерью Ириной.⁹ РАИК сделал исключение из правил своего устава, приняв Н. Л. Окунева без ученой степени.¹⁰ Ему обещали создать условия для научной работы и командировки за границу. Выбирая этот путь, Окунев руководствовался фактической неотложностью поездок, поскольку тот период его работы над диссертацией заключался в необходимости личного знакомства с памятниками Балкан и стран Западной Европы.

Новый этап научной деятельности принес Окуневу как успехи, так и разочарования, связанные с неосуществлением планов. Именно из Константинополя он писал Н. Я. Марру письма, в которых делился несбывшимся, сетуя на подход к делу Ф. И. Успенского и плохую организацию проводимых мероприятий. «Вот если бы здесь были в качестве главы заведения Вы, М. И. Ростовцев¹¹ или Я. И. Смир-

⁵ Окунев Н. Л. Город Ани // Старые годы. Пг., 1912. С. 3—16.

⁶ См.: письмо В. К. Мясоедова Л. А. Мацулевичу. ПФА РАН, ф. 991, оп. 3, д. 138, л. 247—248 об.

⁷ О деятельности РАИК: *Августин*, архимандрит. Русский Археологический институт в Константинополе (1894—1914) // Богословские труды. М., 1986. № 27. С. 266—293; *Басаргина Е. Ю.* Русский археологический институт в Константинополе. Очерки истории. СПб., 1999 (далее — *Басаргина*); *Папулидис К.* Русский Археологический Институт в Константинополе (1894—1914). Фессалоники, 1987; *Пятницкий Ю., Юзбашян К.* Русский Археологический Институт в Константинополе (к 90-летию со дня основания) // Палестинский сборник. Л., 1987. № 29. С. 3—12; *Пятницкий Ю. А.* Русский Археологический Институт в Константинополе // Византиноведение в Эрмитаже. Л., 1991. С. 28—31.

⁸ Вера Петровна, урожденная Патрик (1888—?).

⁹ Окунева-Расовская Ирина Николаевна (1913—1941), окончила Карлов университет, искусствовед, специалист по древнерусскому и византийскому искусству, автор статей, посвященных иконам, литой пластике, иконографии святых. Жена историка Д. А. Расовского.

¹⁰ О деятельности Н. Л. Окунева в РАИК подробнее см.: *Басаргина*.

¹¹ Ростовцев Михаил Иванович (1870—1952), историк античности, археолог, действительный член РАН (с 1917 г.) и многих других иностранных академий, обществ. Он яв-

нов!»¹² — сожалел Окунев. Ни в желанную Сербию, ни далее на запад ему, несмотря на прилагаемые старания и обещания Ф. И. Успенского,¹³ так и не удалось поехать, поэтому он ограничился Константинополем: наблюдениями над мозаиками Кахрие Джами, архитектурным строением храма Св. Софии и др. «Материал же для исследований здесь неисчерпаемый. Интересуясь живописью и церковными росписями, я за это время исподволь собирал сведения и получил ряд указаний на, по-видимому, очень важные памятники, о которых почти ничего не известно», — сообщал Н. Л. Окунев Марру. Время пребывания Окунева в Константинополе было коротким, немногим более года: 28 октября 1914 г. молодой ученый был прикомандирован для научных занятий к Академии наук, где патронат над ним взял на себя академик Н. П. Кондаков.¹⁴

В Петербурге Окунев обрабатывает привезенный из столицы Византии материал, осенью 1915 г. выступает с сообщением в ИРАО о перестройках собора Св. Софии Константинопольской, публикует текст доклада в журнале «Старые годы»,¹⁵ мечтает издать отдельную, богато иллюстрированную книгу о Св. Софии в Константинополе.

Работая при Академии наук, Окунев продолжает разрабатывать начатые ранее темы. Он занимается вопросом происхождения архитектурных форм древнерусских храмов. Во время собственных изысканий в храме Св. Софии в Киеве, в его юго-западной части, Окунев обнаружил «небольшое помещение, давно заброшенное, превращенное в складочное место»¹⁶ — крещальню, плачевное состояние сохранности которой позволило ему поразмышлять «об архитектуре здания по открытым частям кладок и определить характер росписи по фрагментам фресок».¹⁷ Ученый приходит к выводу о существовании двух рядов открытых притворов, что, по мнению Окунева, «совершенно не вяжется с установившимися представлениями о фасадах византийских церквей».¹⁸ Эти наблюдения позволили Окуневу сделать вывод о знании строителями Св. Софии архитектурных форм как византийских, так восточных и запад-

лялся одним из первых членов-сотрудников РАИК, оказавшим институту помощь при комплектовании библиотеки и обустройству. Подробнее: *Басаргина*. С. 125.

¹² Смирнов Яков Иванович (1869—1918), историк искусства, византист, востоковед, археолог, сотрудник Эрмитажа, член-корреспондент РАН (с 1907 г.). Один из первых членов-сотрудников РАИК, участвовал в комплектовании коллекций РАИК. Подробнее см.: *Басаргина*. С. 126.

¹³ Успенский Федор Иванович (1845—1928), историк-византист, славист, академик Петербургской АН (с 1900 г.), директор РАИК (1894—1914).

¹⁴ Кондаков Никодим Павлович (1844—1925), историк византийского и древнерусского искусства, археолог, ординарный академик Петербургской АН (с 1900 г.) и иностранных академий, действительный член многих научных обществ и организаций. Н. П. Кондаков написал Окуневу характеристику для представления в Академию наук с анализом его научной деятельности, приведенную в полном варианте Г. И. Вздорновым. См.: *Вздорнов*. С. 314—315.

¹⁵ *Окунев Н. Л.* Храм св. Софии в Константинополе // *Старые годы*. Пг., 1915. С. 3—29.

¹⁶ Там же. С. 2.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 23.

ных, что и было использовано для создания «нового образца» архитектуры. В статье об этом Окунев впервые издал фресковую живопись крещальни Софийского собора в Киеве.

Кондаков писал в характеристике, что, кроме этих находок, Окунев разрабатывал вопрос происхождения «грановитых палат» в контексте влияния готики на русское каменное зодчество, занимался программой росписи дьяконника Спасо-Мирожского собора во Пскове. Ученый продолжил работу по составлению ряда статей для «Нового энциклопедического словаря» (НЭС) Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона.¹⁹ В этот период своей научной деятельности молодой ученый вновь возвращается к проблемам изучения армянского искусства.

В 1915 г. семья Окунева увеличилась: на свет появилась вторая дочь — Вера.²⁰

В июне 1917 г. Окунев был принят в Петроградский университет в качестве приват-доцента. Тогда же он был снова приглашен Н. Я. Марром для участия в экспедиции, на этот раз по охране памятников в районе военных действий на Кавказском фронте, организуемой Российской Академией наук с 1915 г.

Окуневу удалось выехать в Тифлис только 21 июня, вернулся он в Петроград 28 сентября 1917 г. Первоначально предполагалось, что учебного будет сопровождать архитектор-художник В. Н. Максимов, коллега по планам издания книги о Св. Софии Константинопольской, так и не реализованным, однако в последний момент отказавшийся от поездки. Максимова заменил А. Я. Белобородов,²¹ отправившийся вслед за Окуневым 2 июля 1917 г. Единственным опубликованным свидетельством данной командировки является отчет Н. Л. Окунева, вышедший в «Известиях РАН».²²

Из Тифлиса в направлении Эрзерума поехала группа из трех специалистов, кроме Окунева и Белобородова в ней находился фотограф, командированный Управлением генерал-комиссара Турецкой Армении, Бульбенко. В Гассан-Кале к экспедиции планировал присоединиться хранитель Кавказского музея С. В. Тер-Аветисян, производивший там раскопки. Семейные обстоятельства не позволили ему выполнить задуманное, и Окунев, Белобородов и Бульбенко, сфотографировав Гассан-Калинскую крепость, развалины армянского монастыря Аствацацин и руины церквей в окрестностях Гассан-Кале, двинулись дальше. В Эрзеруме Окунев занимался исследованием и фотофиксацией сель-

¹⁹ К ним относятся, например, статьи НЭС (СПб., 1911—1916): Иконописание или иконопись. Т. 19. С. 173—177; Древнехристианское искусство. Т. 16. С. 775—782; Грановитая палата. Т. 14. С. 732—733; Византийское искусство. Т. 10. С. 485—493.

²⁰ Окунева В. Н. (1915—1998), в замуж. Покорна.

²¹ Белобородов Андрей Яковлевич (1886—1965), фотограф, умер в эмиграции в Италии. О нем см.: *Shishkin A. Andrei Beloborodov and Italy* // *Archivio russo-italiano IV. A cura de Rizzi e A. Shishkin. Salerno, 2005. P. 369—384.*

²² Предварительный отчет приват-доцента Петроградского университета Н. Л. Окунева о командировке летом 1917 г. на Кавказский фронт для охраны памятников древности и культуры // *Изв. РАН. 1917. № 17. С. 1435—1438* (далее — Предварительный отчет).

джукских памятников, в XII—XIII столетиях оказывавших влияние на армянскую архитектуру, выражавшееся, по мнению Окунева, в формах конусообразных сталактитовых куполов. Через Мемахатун экспедиция проследовала в Эрзинджан, потом опять в Эрзерум, Бейбург (Байбург)²³ и в Испир. На расстоянии 12 верст от Бейбурга, в деревне Варзахан, учеными были обследованы «развалины двух армянских церквей, чрезвычайно интересных и по планам, и по конструкции сводов, и по отделке».²⁴

Вторая часть пути, проходившая вдоль течения реки Чороха, внезапно осложнилась, поскольку А. Я. Белобородов, заболевший лихорадкой, покинул группу и вернулся в Россию. Окунев с фотографом прибыли в села Кале-Касрык, Данзут (Тандзот), Арсис и Киским с целью собрать среди местных жителей сведения о находящихся в районе архитектурных постройках. Опираясь на полученные указания, Окунев составил дальнейший маршрут: Дорт-Килиссе (Дорт-Килисе, Кирк-Килиссе), Бархал (Пархал), Ишхан, Эошк (Ошк, Оэшк), Хахул (Хаху, Хахо). Первый из намеченных пункт сразу же поразил воображение искусствоведа впечатляющих размеров трехнефной базиликой, превращенной в загон для скота. В Бархале участники экспедиции обнаружили подобную, хорошо сохранившуюся базилику, с почти уничтоженными настенными росписями. Подобные храмы, перекрытые коробовыми сводами и датированные Окуневым X столетием, напоминали, по его мнению, образцы западной романской архитектуры. Данная находка опровергала еще долго бытующее мнение, что «в позднейшую эпоху бескупольные базилики перестали строиться».²⁵

Переход в Ишхан занял 5 дней, но трудный путь оправдал себя. Окунев писал: «Ишханский храм представляет собою купольную базилику в виде латинского креста в плане. Сохранность его значительно хуже — обрушились своды (западный, южный) и конха апсиды, но зато сохранились фрагменты росписи в куполе и на склоне северного свода».²⁶ В апсиде сохранилась уникальная гранитная колоннада с резными капителями времени Нерсеса III. Большая церковь X в. в селе Эошк-Ванк представляла собой похожее по форме на собор в Ишхане «соединение трехнефного триконха с однонефной базиликой»,²⁷ снаружи она была богато украшена рельефами, ее своды в западной части не уцелели и живопись была уничтожена. Окуневу удалось добиться, судя по отчету, чтобы в северном притворе ишханской церкви была поставлена дверь, не позволяющая скоту попадать туда и портить росписи. Ученый также настоял на том, чтобы размещаемые в храме в Эошк-Ванке запасы сена, телятник и кладовая съестных припасов были удалены из его притво-

²³ Написание названий селений, в которых находились постройки, в письмах и в отчете, а позднее в статье (примеч. 25) несколько отлично. Варианты приводятся в скобках.

²⁴ Предварительный отчет. С. 1436.

²⁵ *Окунев Н. Л.* Армяно-грузинская церковная архитектура и ее особенности // Русский зодчий за рубежом. Прага, 1938. № 9—10.

²⁶ Предварительный отчет. С. 1437.

²⁷ *Окунев Н. Л.* Армяно-грузинская церковная архитектура. С. 18.

ров. Хахульский храм явил собою крестообразную купольную базилику (Окунев называл этот тип формой свободного креста) с уцелевшими фрагментами живописи.

По дороге в Россию Окуневу удалось посетить, исследовать и сфотографировать крепость и мечеть в Ольтах, руины церкви в Бане, около деревни Пеняк, собор в Карсе. Во время двухнедельного ожидания проявленных фотографий в Тифлисе Окунев съездил в Мцхет для ознакомления с его древностями, посетил музеи.

Результатами экспедиции Окунев считал свои дневники с записанными наблюдениями, позднее вывезенные в Прагу, меры, принятые им по спасению наиболее ценных компартиментов храмов, а также планы, чертежи и фотографии в количестве 500 штук, хранимые в Петербурге. Подробную информацию об этом он отправил Марру из Одессы, куда попал в октябре 1917 г. Судя по тому, что в Петербурге у Окунева не было времени даже просто систематизировать привезенные негативы и предоставить Марру отчет о поездке, мы можем предположить, что Окунев переехал в Одессу в экстренном порядке.

Одесский период был связан с деятельностью Н. Л. Окунева в Новороссийском университете, письмо Н. Я. Марру рассказывает нам о подробностях первых шагов преподавателя, о его успехе у студентов, интересе к его лекциям. В этом южном городе Окунев, сам того не ожидая, по изменившемуся закону в 1917 г. был повышен на должность профессора. В 1919 г. в семье Окуневых рождается третий ребенок — сын Михаил.

В Одессе Окунев активно общался с читавшим там лекции академиком Н. П. Кондаковым, там же произошла и размолвка коллег-профессоров, вылившаяся в неприятие Кондаковым Окунева на все оставшиеся годы. Не помогло и то, что оба они, спустя несколько лет оказались в эмиграции в Праге. Окунев со своей стороны делал попытки к примирению, Кондаков не принимал их и остро высказывался по адресу бывшего ученика, некрасиво изворачивая и передергивая факт получения им профессорского звания.

Мы можем предположить, что еще в Одессе Окунев узнал ужасающие новости о гибели всей 16-летней работы в Армении — пропаже в 1918 г. целого вагона, следовавшего в Тифлис и содержащего весь анийский архив.

Если обратиться к публикуемым документам, то все они, будучи разновременными и отправленными из разных мест, имеют нечто общее. В них виден подход Окунева к той или иной научной проблеме или к комплексу вопросов — везде обстоятельный и конкретный. Письма характеризуют Н. Л. Окунева в первую очередь как ученого, глубоко преданного своему делу, а также как способного руководителя, обладающего чутьем, немалым дипломатическим тактом и умением организовать, спланировать, рассчитать. Во многом он был обязан этим Н. Я. Марру, активное общение с опытным археологом явилось для него своего рода этапом в научном формировании.

Окунев эмигрировал из Одессы в феврале 1920 г.,²⁸ он был приглашен преподавать археологию в отделении Белградского университета, расположенном в Скопле (Македония). 1 марта 1923 г. по приглашению Министерства иностранных дел Чехословацкой Республики он переехал в Прагу, где сначала читал лекции для русских студентов-эмигрантов, а в 1925 г. стал профессором философского факультета Карлова университета. Летом 1924 г. в Прагу к Окуневу смогла приехать и его жена с тремя детьми.²⁹

Как и многие другие, ученый оказался оторванным от почвы русской научной академической и университетской среды, взрастившей его. Последнее письмо Марру датировано 1925 г., Окуневу тогда уже удалось посредством Русского консульства в Константинополе выписать и получить свою библиотеку и ящики с рабочими материалами.³⁰ У Окунева в руках оказались результаты кавказских и новгородских поездок — дневники, планы, фотографии, но ему не с кем было это обсуждать, советоваться, у него не хватало многого из научной литературы. Оказавшись в тяжелейших для ученого условиях, Окунев вновь обратился к человеку, принявшему когда-то активное участие в его жизни и всегда откликавшемуся на просьбы помочь и советом, и отправкой изданий. Но ситуация в середине 1920-х гг. была уже совершенно иной. Горькие и очень осторожные слова, посланные из Праги, остались без ответа.

Окунев, несмотря на это, использовал свои находки, анализируя, например, сербское зодчество и говоря о влиянии армянской архитектуры на развитие планов сербских церквей XII и XIII вв. В Праге Окуневу удалось заинтересовать своим предметом молодого коллегу, к сожалению рано ушедшего из жизни, сотрудника Археологического института им. Н. П. Кондакова — Николая Михайловича Беляева (1899—1930), совершившего в 1927 г. поездку в Сербию и начавшего изучать сербские настенные росписи. В его фонде хранятся некоторые фотографии, сделанные Окуневым в экспедиции по охране памятников. Непосредственно к армянскому искусству Н. Л. Окунев вернулся лишь один раз — в статье, написанной в 1938 г. и опубликованной в газете «Русский зодчий за рубежом», упомянутой выше. В ней ученый говорит об особенностях перечисленных и иных церквей, существенно дополняя основополагающее на тот момент исследование Й. Стржиговского «Архитектура армян и Европа».³¹ Окунев подчеркнул важность изучения построек этого региона, давшего миру разнообразие форм и богатство вариантов, нашедших отражение в архитектуре Византии, Древней Руси, Болгарии, Румынии. Сельджукские памятники Окунев называл детищем армянского зодчества, он видел «поразительное сходство» храмов Армении с романскими сооружениями Запада. В данной статье на-

²⁸ Государственный центральный архив Чехословацкой Республики, ф. РР 1941—1951, к. 8127, о. 107/4 Okunev N.

²⁹ Там же.

³⁰ Архив Министерства иностранных дел. 2-я секция. К. 52.

³¹ *Strzygowski J. Die Baukunst der Armenier und Europa. Wien, 1918.*

конец нашли своего зрителя и некоторые фотографии, сделанные в экспедиции в 1917 г.

Рукописные оригиналы писем хранятся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН. Пользуясь случаем, сердечно благодарим директора Архива И. В. Тункину за любезное разрешение опубликовать данные документы. Письма публикуются в соответствии с правилами современной орфографии, стиль и особенности написания оставлены без изменения.

Письма Н. Л. Окунева Н. Я. Марру

1

Константинополь. 30.III.1913 г.

Жена и я шлем Вам, многоуважаемый Николай Яковлевич, Александре Алексеевне¹ и сыновьям Вашим² свои сердечные поздравления и пожелания. Мы со здешней жизнью уже почти совсем освоились и чувствовали бы себя хорошо, если бы у меня было другое начальство. Если Успенский³ не испортит дела, то я летом собираюсь в Сербию изучать тамошние церкви. Недавно здесь был проездом в<еликий> к<нзья> Конст<антин> Константинович,⁴ и мне удалось заинтересовать его этим вопросом — он обещал просить Государя дать средства на эту экспедицию. Было решено, что Усп<енский> тотчас же пошлет К<онстантину> К<онстантинови>чу вслед докладную записку об этом, но, как теперь кажется, У<спенс>кий начинает сознательно затягивать дело и записка до сих пор не послана, несмотря на то что мною предоставлены материалы для нее. Надеюсь, что все-таки как-нибудь дело это мне удастся устроить.⁵ Что у Вас нового? Из письма Александры Алексеевны знаю, что существует какое-то странное отношение к Вам закавказских армян. Неужели это правда? И неужели Вы будете делать перерыв в Ваших работах в Ани?⁶ Может быть, все это еще не так страшно?

Искренне преданный Н. Окунев.

ПФА РАН, ф. 800 (Марр), оп. 3, ед. хр. 704, л. 2—3.

¹ Имеется в виду жена Н. Я. Марра — Александра Алексеевна, урожд. Жуковская (1893—1940).

² Н. Я. Марр имел двоих детей — Юрия и Владимира. Ю. Н. Марр (1913—1935) окончил факультет восточных языков Петроградского университета, иранист, филолог-литературовед, языковед, фольклорист. Писал стихи, рисовал, занимался музыкой. В. Н. Марр, младший сын, погиб от тифа во время Гражданской войны в 1921 г.

³ Успенский Федор Иванович (1845—1928), директор РАИК. Под «делом» подразумевается инициатива, начатая в 1908 г. самим Успенским и подхваченная в 1914 г. Ф. И. Шмитом, бывшим сотрудником РАИК и заведующим кафедрой теории и истории искусств Харьковского университета, касающаяся изучения и издания сербских храмовых росписей. Первая мировая война не дала возможности этому большому проекту осуществиться. Подробнее см.: *Банк А. В.* Из истории изучения памятников серб-

ского искусства в России // Сборник за ликовне уметности. Нови Сад, 1968. Т. 4. С. 239—245.

⁴ Романов Константин Константинович (1858—1915), великий князь, внук императора Николая I, президент Российской Академии наук (с 1889 по 1915 г.), почетный член РАИК, посетил институт 23 марта 1914 г. (*Басаргина*. С. 214).

⁵ Записка была подготовлена Ф. И. Успенским и подана, посредством вел. кн. Константина Константиновича, Николаю II в апреле 1914 г. (*Басаргина*. С. 214—217). Надежды Н. Л. Окунева не оправдались.

⁶ Конфликт заключался в том, что известный австрийский историк искусства Йозеф Стржиговский (1862—1941) использовал формы армянской архитектуры для доказательства собственной теории о восточном происхождении каролингского искусства (см.: *Strzygowski J. Die Baukunst der Armenier und Europa*. Wien, 1918). «Теория Стржиговского имела целью выделить армянское искусство из его кавказского окружения, связать его с искусством мировым, т. е. западноевропейским, тем самым укрепить представление об исконном индоевропействе армян» (*Миханкова*. С. 142—143). Марр не был склонен «„поддерживать современные политические взгляды историческими справками“», когда эти взгляды он считал неправильными. <...> Ответом на такую программу было недовольство в тех кругах, которые поощряли раскопки в Ани и финансировали их...» (Там же). Автор книги о Марре приводит письмо Марра С. Ф. Ольденбургу: «Я совершенно разбит нравственно недостойной кампанией, ведомой против меня в армянском обществе. Когда грузины порочили и клеветали, я еще понимаю: они могли думать, что у меня и в научных изысканиях должна быть грузинская психология, хотя бы наполовину. Но почему и у армян претензия требовать от меня националистической программы и настроения, я не могу понять. Оказывается, что я „Ани отнимаю у армян и передаю русским“, что в Ани я „уменьшаю значение армянской культуры и преувеличенно пропагандирую славу грузинской“ и „даже турецкой“» (АРАН, ф. 208, оп. 2, № 81; цит. по: *Миханкова*. С. 143).

2

Константинополь, 21 декабря. 1913 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Николай Яковлевич, мое более чем 4-месячное пребывание здесь было связано со многими неудачами и волнениями — с одной стороны, очень трудно было устроиться с минимальными средствами при здешней дороговизне, с другой — постоянно происходили трения и недоразумения между мною и начальством. Оказалось, что я не так понял свою деятельность здесь, думал, что буду заниматься ученым трудом по преимуществу, а выходит, что я прежде всего «не имеющий чина и состоящий в VI классе» чиновник. Об условиях, на которых я принял предложение ехать сюда, — 1) свобода в области научного исследования и 2) ежегодная трехмесячная командировка за границу, — как будто никогда и речи не было, да на командировку и средств никаких, по-видимому, нет. Они, может быть, и были бы, если бы не тратились без толку. Весь год жалуются на отсутствие денег, просят об усилении средств и тратят со скупостью невероятной, а к концу года оказывается, что в кассе остается крупная сумма, лир во 100, которую во что бы то ни стало нужно израсходовать, чтобы не было остатка. Для этого выписывают всякие фотографические приборы по дорожке, хотя в них особенной надобности нет, а главное, массой покупается всякий старый хлам, который запирается затем в одной из комнат Института, имеющей громкое, не по заслугам, название музея.¹ Вначале были

открытые столкновения, когда я никак не мог понять, что непременно нужно во время занятий сидеть за определенным столом и в определенной комнате, что, когда я хочу пойти в город изучать памятники, я должен всякий раз проситься, что когда мне во время работы, например, нужны фотографии из институтского собрания, то я опять-таки должен спросить разрешения их посмотреть, и т. д. и т. п. Теперь уже они понемногу прекращаются, так как я превращаюсь в канцеляриста и стараюсь не возбуждать перед начальством никаких «вопросов»: мне наружно предоставляется делать, что я хочу, но все время я чувствую за своей спиной недовольство. Согласитесь, что такое положение угнетает — не хочется писать, чтобы не жаловаться. Общую атмосферу здешних отношений, которые никак нельзя назвать человеческими, Вы, вероятно, знаете, так что об этом нечего и писать.

Скажу только, что с П<анчен>ко² я, как это ни странно, живу в мире, но при этом вспоминаю слова М. И. Ростовцева, который говорил, что мир или ссора с П<анчен>ко безразличны, так как одинаково бесполезны. Это жалкий человек, совершенно загубленный У<спенс>ким — стыдно смотреть на 42-летнего ученого, который бледнеет и долго топчется на месте прежде, чем подойти к Его Пр<евосходительст>ву, который допускает, чтобы последнее говорило ему грубости и колкости на каждом шагу, который говорит со страхом в глазах: «Вся судьба моя в руках этого человека, он каждую минуту может меня выгнать!».

Душевное настроение каждого из нас заключается в том, что У<спенс>кий боится, чтобы кто-нибудь как-нибудь не покусился на его достоинство, П<анчен>ко боится, чтобы его не выгнали, а я боюсь, чтобы меня не покрыла плесень и чтобы от меня не пошел дух затхлости, так свойственный К<онстантинопольскому> институту.

Деятельность института заключается в том, что Ф<едор> И<ванович>³ как известно, пишет историю Византии,⁴ П<анченко>ко пишет III том этой истории (в промежутках напивается), Клуге⁵ чертит карты и делает фотографии для этой истории (также в удобную минуту напивается), Лесис (наш «нештатный служащий»*) для письма переписывает на машинке эту историю, один я покуда еще ничего для этой истории не делаю и пишу только карточки библиотечного каталога, заносу в инвентарь, в систематический каталог, а в промежутках ухитрюсь делать свое дело. В области действительной археологии институт ничего не предпринимает в настоящее время, все же попытки последнего времени потерпели фиаско. Так залумали большое, интересное и важное дело — исследовать развалины базилики Студия, поручили его П<анчен>ко, а тот так стал разговаривать с тамошними муллами, что они его со скандалом в самый разгар работ оттуда прогнали: тем дело и кончилось, хотя надежды не оставляются... ждут времени, когда русское влияние в Турции вновь упрочится.⁶ Бог дал пожар — сгорел громадный квартал между мечетью Султан-Ахмета и морем: место, где был большой дворец.⁷

* Особая категория лиц, которым подают руку слегка и которых чай пить не приглашают! (Примеч. Н. Л. Окунева.)

Предпринято исследование этой драгоценной территории, правда, спустя два года после пожара, когда начались уже работы по нивелированию площади, а поручили вести его П<анчен>ко. Три с половиной месяца изо дня в день лазил несчастный Клуге по сырým и грязным подвалам и измерял их. Составил план развалин, но без всякого их исследования, так что иногда совершенно неизвестно, зала ли это византийского дворца или турецкая конюшня. Правда, исследования и нельзя было сделать, так как для этого необходимы раскопки, а их нельзя произвести, потому что во-1) денег нет, а их на это нужно очень и очень много, а во-2) турки не разрешают и не разрешат никогда, покуда во главе института стоит У<спен>кий и покуда с ними будут разговаривать так, как они разговаривают. Сделана работа, громадная по объему и трудности, но решительно без всякого научного значения. Вот и все, в чем выразилась научная работа института в течение трех последних лет (не считаю Шмита,⁸ которому удалось после целой войны с У<спен>ким вырваться в Ницею и на Хиос). Материал же для исследований здесь неисчерпаемый. Интересуясь живописью и церковными росписями, я за это время исподволь собирал сведения и получил ряд указаний на, по-видимому, очень важные памятники, о которых почти ничего не известно. Если бы здесь были Вы и если бы дело было поставлено так, как у Вас в Ани, то сколько можно было бы сделать — просто без канцелярии. Но с Успенским не надеюсь ни на какой успех. Вот если бы здесь были в качестве главы заведения Вы, М. И. Ростовцев или Я. И. Смирнов!

Сегодня прочитал в Изв<естиях> Академии наук, что грузино-греческая рукопись наконец приобретена в Публичную библиотеку.⁹ Надеюсь, что она была найдена Вами в Азиатском музее¹⁰ в совершенном порядке, так же, как и негативы с нее. Как я писал Вам в Ани, мне пришлось ее оставить под расписку служителю Брядову, что меня, признаться, несколько беспокоило. В каком положении находится теперь вопрос об ее издании? Как Вам известно, я прошлой весной в П<етер>бурге показывал ее У<спен>кому, и он тогда высказал мысль, что хорошо бы издать ее Кон<стантино>польскому институту. Так как он теперь отпирается от всего, что он тогда говорил, выходит, что «издание памятников, находящихся в П<етер>бурге, не входит в задачи института».* Я исподволь (между карточками) подбирал здесь некоторый материал к этой рукописи, но мое участие в ее издании, если я останусь здесь, кажется мне теперь безнадежным. Начал ли кто-нибудь ее изучение со стороны текста?¹¹

Очень интересуюсь результатами кампании этого года в Ани и Ваших поездок. Где копали нынче и что нашли?¹² Кто были Ваши сотрудники и как они Вас удовлетворили?¹³ Мой долг перед Вами (круглые храмы и роспись Пркиго) обещаю заплатить, как только смогу.¹⁴ Пополняется ли Анийская серия¹⁵ и пишет ли кто-нибудь и что-нибудь об Ани? Кстати, в институтской библиотеке нет ни одного выпуска Анийской серии, а потому есть просьба к Вам, если возможно, выслать их

* Подлинные слова господина Директора. (Примеч. Н. Л. Окунева.)

нам. Лично я очень хотел бы получать «Христианский Восток»,¹⁶ которого у меня нет даже первого выпуска. Что у Вас нового? Как поживает Александра Алексеевна и сыновья Ваши? Очень я сожалею, что приезд Юрия Николаевича¹⁷ совпал с моим — теперь уже я мог бы быть его руководителем здесь. Володя,¹⁸ вероятно, уже настоящий гимназист, в солдатики уже не играет, «собака» пишет верно и по железнодорожному указателю давно выехал за пределы России! Передавайте, пожалуйста, Александре Алексеевне и Вашим сыновьям мой самый сердечный привет и поздравления с праздниками и примите от меня уверения в искреннем уважении и преданности. Очень жалею, что так далеко от Вас. Жена моя также просит передать свой привет и поздравления.

Ваш Н. Окунев.

ПФА РАН, ф. 800 (Март), оп. 3, ед. хр. 704, л. 4—9 об.

¹ Коллекция музея начала формироваться в первый год работы РАИК. Целенаправленно собирались рукописи, фрагменты архитектуры и надгробий, печати и др. После того как Турция в октябре 1914 г. вступила в войну, русские подданные вынуждены были покинуть Стамбул. Имущество РАИК было конфисковано турками, собрание хранилось в подвалах Оттоманского музея до 1929 г. Позднее часть коллекции, посредством русского консульства, была отправлена в США, а часть передана в СССР. Окуневу удалось заполучить в Прагу свою библиотеку и письменные материалы. О музее подробнее см.: *Пятницкий Ю. А.* В музее Русского археологического института в Константинополе. СПб., 1993.

² Панченко Борис Амфианович (1872—1920), ученый секретарь и заведующий библиотекой и канцелярией РАИК с 1901 г.

³ Имеется в виду Ф. И. Успенский.

⁴ Труд Ф. И. Успенского выходил на протяжении 25 лет: *Успенский Ф. И.* История Византийской империи. М.; Л., 1913—1948. Т. 1—3.

⁵ Клуге Николай Карлович (1869—1947), художник, внештатный сотрудник РАИК, копировал мозаики, составлял планы, разрезы, чертежи.

⁶ Работы РАИК по изучению базилики Студийского монастыря (V в.) продолжались в период в 1906 по 1909 г. Исследования велись посредством раскопок, право на проведение которых сумел выхлопотать Ф. И. Успенский. Результатом явился монументальный труд Панченко, посвященный рельефам монастыря. См.: *Панченко Б. А.* Рельефы из базилики Студия в Константинополе // ИРАИК. 1912. Т. 16. С. 1—359. Подробнее о работах РАИК см.: *Басаргина*. С. 38—39.

⁷ Пожар произошел в 1912 г. В начале июля 1914 г. РАИК получил разрешение прозвести зондажи. «В половине июля политическое положение стало настолько напряженным, что работы пришлось прекратить в самом начале» (*Басаргина*. С. 214—218). Результаты двухнедельного исследования дворца представлены в «Отчете о деятельности РАИК за 1914 г.» (РГИА, ф. 757, оп. 1, д. 43, л. 2—11. Отчет опубликован в книге Басаргиной. См.: *Басаргина*. С. 214—218).

⁸ Шмит Федор Иванович (1877—1937), с 1901 по 1904 г. стипендиат РАИК, занимался изучением мозаик Кахрие-Джами. С 1908 г. — ученый секретарь РАИК. На Хиосе Шмит совместно с Н. К. Клуге с 23.12.1910 по 16.01.1911 исследовал архитектуру и мозаики монастыря Неа Мони. В Никее Шмит был в 1912 г. Подробнее см.: *Басаргина*. С. 112.

⁹ Имеется в виду небольшого формата, толстая (146 с.) рукопись, на греческом и грузинском языках, исполненная на тонкой, желтого оттенка бумаге и сопровождаемая множеством (800) иллюстраций. Окунев датировал памятник XIV столетием и идентифицировал рукопись как «сборник духовного содержания, состоящий из евангельских текстов, церковных песнопений, молитв, апокрифических сказаний и т. п.». Подробнее см.: *Окунев Н. Л.* О грузино-греческой рукописи с миниатюрами // Христиан-

ский Восток. СПб., 1912. Т. 1, вып. 1. С. 43—44. Рукопись хранится в настоящее время в РНБ. См.: РНБ. Разноязычная. О.1.58.

¹⁰ Азиатский музей Академии наук, сегодня Институт востоковедения РАН, был основан в Петербурге в 1818 г. на основе азиатских коллекций, поступивших из Кунсткамеры. Задачей музея явилось собирание литературы в области востоковедения, как печатной, так рукописной и эпиграфической. Уже в начале XX в. музей представлял собой одно из богатейших собраний в мире.

¹¹ Издание рукописи было осуществлено сравнительно недавно, в конце 1990-х гг., исследовательницей Л. М. Евсеевой. Она считает рукопись древнейшей из сохранившихся до нашего времени книгой образцов иконописца, исполненной греческими и грузинскими мастерами в Иверском монастыре на Афоне в конце XV в. См.: *Евсеева Л. М. Афонская книга образцов XV в. М., 1998.*

¹² Работы летнего сезона 1913 г. в Ани сосредоточились «главным образом у храма Спасителя, остатков дворца Абулгароба и часовни типа приходских церквей, маслодавлен и других хозяйственных и жилых сооружений. Были исследованы также мечеть Мануче и Анийский собор, обследован Баш-Шурагел, где произведены раскопки городища и исследован Ширикаванский храм, а также зарегистрированы армянские надписи в различных пунктах» (*Миханкова. С. 205—206.*)

¹³ В «анийский» коллектив сотрудников Н. Я. Марра в 1912—1917 гг. входили И. А. Орбели, И. А. Кипшидзе, Д. А. Кипшидзе, С. Ломиа, А. Г. Шанидзе, К. С. Кекелидзе, С. В. Тер-Аветисян, Н. Г. Адонц, И. А. Джавахишвили, а также студенты и местные научные работники.

¹⁴ Данные планы так и не были реализованы.

¹⁵ Речь идет о серии изданий «Анийские древности» (1906—1916), в которой увидело свет 8 книг.

¹⁶ Журнал «Христианский Восток» был учрежден в 1912 г. при Императорской Академии наук благодаря инициативе академиков Б. А. Тураева, Н. Я. Марра и В. Н. Бенешевича. За десятилетие существования журнала было выпущено 6 томов.

¹⁷ Имеется в виду сын Н. Я. Марра — Ю. Н. Марр, который окончил в 1913 г. гимназию и посетил Константинополь, будучи студентом первого курса Санкт-Петербургского университета.

¹⁸ Имеется в виду младший сын Н. Я. Марра, В. Н. Марр.

3

Тифлис, 4 сент. 1917 г.

Многоуважаемый и дорогой Николай Яковлевич,

вчерашнего дня я приехал в Тифлис, закончив свою поездку. Хотя начало ее было связано со многими неудачами, вторая ее половина была настолько удачна и интересна, что с избытком, как мне кажется, их искупила. Маршрут первой половины был таков — Гассан-Кале, Эрзерум, Мемахатун, Эрзинджан, Бейбурт. Несмотря на то что мы в этих местах были прекрасно обставлены в смысле средств передвижения и т<ому> под<обное>, дело не удовлетворяло — христианских памятников почти не видели.¹ К тому же архитектор Белобородов почти все время или был болен, или плохо себя чувствовал. Наконец, в Бейбурте перед началом второй, более трудной части путешествия он так ослаб, что, несмотря на все свое желание ехать дальше, вынужден был отказаться от этого и вернуться в Россию. Итак, дальнейшую поездку я уже совершил один с фотографом по такому маршруту — Бейбурт, Испир, Кис-

ким, Арсис, Дорт-Килисе, Бархал, Ишхан, Эошк-Банк, Хахул, Олты, Бана, Карс. Несмотря на очень большие трудности пути, иногда почти совсем непроходимые, даже верхом, дороги, трудность добывания фуража и провианта, эта половина моего путешествия оказалась в высшей степени удачной, интересной и поучительной. Фотографии снимались в очень обильном количестве, описания составлялись как можно полнее и обстоятельнее, недоставало только архитектора. На обратном пути столкнулся с экспедицией Такайшвили,² движущейся по тому же маршруту в обратном порядке. Каковы будут их результаты, покажет будущее. Некоторые подробности, касающиеся того, что мне удалось повидать, передаст Вам И. А. Орбели,³ так как их в рамки письма не уместить, а ему я кое-что успел рассказать. Здесь, в Тифлисе, мне придется провести некоторое время, не менее недели, а то и дней 10, для того чтобы проявить эту часть негативов, которая осталась непроявленной.⁴ Чтобы использовать это время, думаю съездить в Мцхет, Аптену, Набахтево и Цроми,⁵ благо все это близко. Посылаю Вам это письмо с И. А. Орбели, который завтра собирается выехать в Питер.

Меня очень беспокоит положение петроградцев и, в частности, моей семьи, для которой, в настоящий момент, я бессилён что-либо сделать. Числу к 15-му, я буду, чужое поведение в Петрограде.⁶ Пока желаю Вам всего наилучшего. Привет А<лександр> А<лексеев> и Володе.

Преданный Вам Н. Окунев.

Р. С. Письмо Ваше от 17 июля о реставрации анийского собора и о Комиссии⁷ получили только вчера.

ПФА РАН, ф. 800 (Марр), оп. 3, ед. хр. 704, л. 13—14 об.

¹ В нескольких километрах от Бейбурта, в деревне Варзахан, Окуневым и Белобородовым были обследованы развалины двух армянских храмов.

² Такайшвили Евфимий Семенович (1863—1953), грузинский историк, филолог, археолог, один из основателей (1918) и первых профессоров Тбилисского университета. В период в 1921 по 1945 г. проживал в эмиграции во Франции.

³ Орбели Иосиф Абгарович (1887—1961), востоковед, ученик Н. Я. Марра, входил в состав экспедиции по охране памятников под руководством Такайшвили.

⁴ Согласно «Отчету», Окунев пробыл в Тифлисе 2 недели. См.: Предварительный отчет. С. 1437.

⁵ Из «Отчета» следует, что ученому удалось посетить Мцхет и ознакомиться с его музеями. См.: Предварительный отчет. С. 1438.

⁶ Окунев прибыл в Петроград 28 сентября 1917 г. См.: Предварительный отчет. С. 1435.

⁷ Возможно, имеется в виду инициатива Н. Я. Марра по созданию Кавказского историко-археологического института, утвержденного 27 июня 1917 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Николай Яковлевич,

сегодня до меня дошло Ваше письмо от 9-го (кажется) числа, где Вы пишете о просьбе Белобородова дать ему возможность отпечатать фотографии для себя. Об этом я Вам не писал, да и не писал куда вообще, потому что до последнего момента надеялся, что у меня будет возможность съездить теперь же в П<етро>град. Сейчас я вижу, что мне это сделать не удастся, так как у нас на юг, в связи с бегством солдат с фронта, никакое передвижение по железным дорогам невозможно.

Итак, по поводу передачи фотографий Белобородову я считаю, что те фотографии, которые были сделаны под его наблюдением (а не им самим!), можно разрешить ему отпечатать для себя и на свой счет, но без права издания либо какого бы то ни было опубликования. Сюда войдут снимки, сделанные в Гассан-Кале, Эрзеруме, Мемахатуне, Эрзинджане и Бейбурте. Об этом я ему, между прочим, уже писал отсюда. Какова была его беседа с Вами, я могу предполагать, так как знаю Б<елоборо-
до>ва как человека хоть и талантливое и в общем милого, но не слишком умного, взбалмошного и крайне, высокомерно самоуверенного, на что, кстати, он больших оснований не имеет. Возникает одно лишь затруднение, которое, конечно, было бы легко устранено, если бы я сам мог быть в П<етро>граде. Дело в том, что все негативы имеют №№-ра, соответствующие вполне списку, который я Вам представил и который я видел уже отпечатанным; но, так как печатались они все в этом порядке и вследствие октябрьских событий, совпавших с моим отъездом, печатание их затянулось до самого дня моего отъезда и часть негативов была доставлена даже А. Д. Рудневу Йохимом после моего отъезда, я не смог расположить эти негативы в коробке по порядку №№-ров. Я имел в виду сделать это в мой приезд на Рождество, а так как он не состоится, то надо бы поручить это дело какому-либо осторожному и опытному лицу, либо покуда оставить так, предоставив только Белобородову выбрать те негативы, которые его интересуют, с тем, что он представит Вам список №№-ров.

Денежный отчет по поездке у меня давно готов, но не решаюсь его Вам послать из-за отсутствия уверенности в почте — боюсь, как бы не пропали оправдательные документы. Письма же теперь пропадают постоянно, даже заказные. Отчет полный начал изготавливать, но страдаю постоянно от бедности здешних библиотек, — нет самых общераспространенных изданий. Очень было бы хорошо, если бы получила разрешение та просьба о книгах из Академии, которую я оставлял у Вас перед отъездом.

Так как в здешней библиотеке Музея искусств¹ совсем нет ничего, касающегося христианского Востока, а я намерен в будущем году попытаться прочитать курс — искусство христианского Востока, если найду

материал, то буду очень Вас просить устроить музею получение: 1. всех, по возможности, Ваших трудов,

2. Анийской серии,
3. Изданий анийского музея,
4. Анийских открыток и
5. Христианского Востока.

Когда времена переменятся хоть немного к лучшему и можно будет опять легко заниматься фотографией и делать диапозитивы, то у меня будет к Вам еще одна просьба — разрешить сделать для Музея искусства Новороссийского университета² дубликаты некоторых Ваших диапозитивов, иллюстрирующих Ани и Закавказье. Здесь есть большое собрание диапозитивов, но они в большинстве все касаются исключительно античного искусства, которое только и читал покойный профессор Павловский.³ Но что важно, здесь при музее есть отлично оборудованная лаборатория фотографическая и для выделки диапозитивов, есть и мастер-служитель, хоть и престарелый, но хорошо работающий. Когда будет возможно, думаю все это использовать и начать даже обмен диапозитивами с другими учреждениями.

За два месяца моего пребывания здесь я уже несколько осмотрелся и акклиматизировался. Познакомился со всем профессорским составом и покуда, вследствие полного отсутствия квартир и комнат, живу у профессора Линниченко.⁴ Впечатление от коллег очень неутешительное — есть два-три милых и интересных человека, а остальные все какие-то монстры и в физическом, и в нравственном смысле. В факультете и в совете занимаются только взаимным подсиживанием и интригами, невероятными интригами. Так как существует несколько лагерей, и политических, и основанных на чисто личных отношениях, я ни к одному не пристал и стараюсь держать себя независимо. Вступительная моя лекция прошла с большим даже успехом, а количество слушателей на моих лекциях вызывает уже, как я слышал, даже у некоторых зависть. Теперь рождественские^{<енские>} вакации, которые продолжатся, вероятно, дольше обыкновенного вследствие полного отсутствия топлива. Холод здесь, благодаря этому, всюду невозможный. Что же самое существенное, это то, что самое существование у<ниверсите>та висит на волоске. Сношения с министерством нет, денег также нет. Для содержания у<ниверсите>та и выдачи жалованья заложили какие-то процентные бумаги, принадлежащие университету. Жалованье выдают какими-то невероятными деньгами — купонами, расписками, чеками, векселями, а мне последний раз дали даже процентными бумагами. Это положение у<ниверсите>та, конечно, использовала Киевская Рада,⁵ которая предложила прислать ей сметы будущего года. После долгих обсуждений совет решил сметы отправить, но вынес туманную и двусмысленную резолюцию — с одной стороны, он власти Рады не признает, но с другой стороны, кушать хочется, а потому и т. д.

Что-то у Вас делается? В каких Вы отношениях с правительством? Существует ли еще Академия⁶ и на что она существует? Возможна ли какая-либо деятельность? Из Петрограда известия имею очень редко.

áüü ì ü ó ð äëðá äé ì äé áíú, â óiàð, è ì ëóáà òàì áá è è ìáíáá à ì -
ó í. äðáá ü äñ ñ Í áúì äì, äñ è á uà ñäé äñ ì í é - è è ñ
ái- è ì äðáá üü, è ð ó ìáðááòü ì é èñèðáíéé ðèéáò è ì äðáá áíéü
À äèñáíáðá À äèñáááíá è áá. ó ááðá è è ááñòèü ò ðèü? á à àì
áñá ñàì ä ð .

Предавший Вам

Н. Окунев.

ПФА РАН, ф. 800 (Март), оп. 3, ед. хр. 704, л.15—16 об.

¹ Очевидно, подразумевается Музей Императорского Одесского общества истории и древности, имевший библиотеку.

² Вероятно, речь идет о Музее Императорского Одесского общества истории и древности.

³ Окунев говорит о Павловском Алексее Андреевиче (1856—1913), историке искусства, ординарном профессоре (с 1896 г.), декане историко-филологического факультета Новороссийского университета в Одессе.

⁴ Имеется в виду Линниченко Иван Андреевич (1857—1926), историк, профессор русской истории Новороссийского университета, член-корреспондент ИАН.

⁵ Имеется в виду Центральная рада (март—декабрь 1917 г.), политическая организация, захватившая власть на Украине и провозгласившая в ноябре 1917 г. Украинскую народную республику.

⁶ Очевидно, речь идет об Академии наук.

Многоуважаемый
Николай Яковлевич,

последние несколько лет все мое научное внимание было привлечено к изучению средневековых древностей Балканского полуострова, но прежний интерес к Востоку у меня не остыл, и мне не хотелось бы оставлять и тут тот все же богатый материал, который мне удалось собрать во время последней моей поездки в М<алую> Азию. К сожалению, работа в этом направлении здесь очень затруднена. Так как очень мало кто когда-либо уделял здесь внимание Востоку, а особенно христианскому, то в библиотеке по этому вопросу полная почти пустота. Никто не может мне помочь в прочтении надписей и т. д. Поэтому сделать какие-либо разыскания в области истории таких памятников, как Ишкан, Пархал, Эошк, Хахул, Дорт-Килиссе, почти не представляется возможным. Не могли ли бы Вы мне помочь каким-либо образом? Нельзя ли было бы получить перевод надписей, сохранившихся в этих памятниках, и какие-либо сведения их возникновения и существования. Мне очень была нужна география Вакухты, которую тут, уж конечно, найти нельзя.

Я был бы очень Вам признателен, если бы Вы нашли возможность сообщить мне, мог ли бы я получить какое-либо удовлетворение этим моим научным нуждам, и высказать Вашу точку зрения на то, каким путем это можно было бы сделать.

Н. Л. Окунев

Жена моя и я просим Вас передать наш привет Александре Андреевне,¹ Юрию и Володе.

Желаю Вам всего хорошего

Ваш Н. Окунев.

Praha, Smíchov,
Komenského, 17.

ИФА РАН, ф. 800 (Марр), оп. 3, ед. хр. 704, л. 17 об.

¹ Н. Л. Окунев ошибается, жену Н. Я. Марра звали Александра Алексеевна.